

Максим Воронов

Дневник чумного доктора. Воздаяние

18+

Дневник чумного доктора

Максим Воронов

**Дневник чумного
доктора. Воздаяние**

«Автор»

2026

Воронов М.

Дневник чумного доктора. Воздаяние / М. Воронов — «Автор», 2026 — (Дневник чумного доктора)

Чума отступила, но мир так и не обрёл покоя. Три года Марион, Лео и Анна лечат страждущих в «Доме Исцеления», неся людям надежду, завещанную им Элиасом. Но их слава — как кость в горле у Церкви. Слишком влиятельные, слишком любимые народом, они стали опасны. И тогда на сцену выходит молодой священник с ангельской улыбкой и дьявольским планом. В это же время в деревню приходит охотник на ведьм Рейнхард. Он идёт по кровавому следу настоящей твари, что убивает мужчин ради тёмных ритуалов. Но его чутьё ведёт его туда, где ложь и правда переплелись в тугой узел. Он ещё не знает, что его единственными союзниками станут те, кого он поклялся уничтожать. Пока Рейнхард и Марион охотятся на истинное зло, Церковь плетёт сети. Народ, вчерашние исцелённые, готовы отречься от своих спасителей. И когда на городской площади вспыхнет костёр, станет ясно: знание не всегда спасает. Иногда оно лишь делает тебя мишенью.

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Максим Воронов

Дневник чумного доктора. Воздаяние

Пролог

Пасмурный летний вечер опускался на город, как тяжелое, влажное одеяло. Небо, затянутое свинцовыми тучами, не пропускало ни единого луча солнца, и мир казался выцветшим, обескровленным, словно старая ткань, которую слишком долго вываривали в щелоке. Воздух был густым и неподвижным, пропитанным запахами прелой листвы, нагретой за день смолой и далеким, едва уловимым дыханием болота, что лежало за городскими стенами. Этот запах — смесь гниющих водорослей, торфа и стоячей воды — был здесь постоянным спутником жизни, к которому привыкали, как к собственному дыханию, но который в такие вечера казался особенно зловещим.

Лиза вышла из церкви последней. Она всегда выходила последней, чтобы никто не видел, как она смотрит на пустую скамью у входа — ту, где когда-то сидела ее мать. С тех пор прошло пять лет, но пустота оставалась. Она научилась прятать её за спокойным лицом и тихим голосом, но внутри, глубоко, в том месте, куда никто не заглядывал, зияла дыра, которую ничто не могло заполнить.

Двенадцать лет — возраст, когда девочка уже не ребенок, но еще не взрослая. Она была невысокого роста, худощавая, с острыми локтями и коленями, которые вечно оказывались не там, где надо. Ее волосы, мышиного цвета, были собраны в небрежный хвост на затылке, выбивающиеся пряди падали на лицо и лезли в глаза. Лицо её было бледным, с веснушками на переносице, и большими серыми глазами, в которых иногда мелькала та же отстраненная печаль, что и у Анны, той самой ясновидящей из «Дома Исцеления», к которой Лиза тайно бегала прошлой весной, когда у нее болело горло.

Она шла по главной улице, прижимая к груди молитвенник — старенький, с потертым кожаным переплетом, который достался ей от матери. Ее сапоги, разношенные и не по размеру, хлюпали по влажной земле, оставляя глубокие следы. Город погружался в сумерки. Из труб домов поднимался дым — ужин готовили, семьи собирались за столами. Где-то смеялся ребенок, где-то ругалась женщина, где-то скрипела телега, возвращавшаяся с полей. Обычные звуки обычной жизни.

Лиза любила эти звуки. Они напоминали ей, что мир продолжается, что есть место, где она не одна. Но сегодня что-то было не так.

Она остановилась на перекрестке и прислушалась. Тишина. Не та обычная тишина сумерек, когда звуки постепенно затихают, а странная, неестественная тишина, будто весь мир затаил дыхание. Не пели птицы. Не лаяли собаки. Даже ветер, который обычно шумел в кронах старых лип, стих, словно его кто-то задушил.

Лиза поежилась и пошла быстрее.

Она свернула за угол и увидела конюшню. Старое, добротное здание из почерневшего дерева, с широкими воротами, распахнутыми настежь. Оттуда доносился запах сена, лошади-

ного пота и теплого навоза — запах, который она любила с детства. Здесь, среди лошадей, она чувствовала себя в безопасности. Они не осуждали, не задавали вопросов, не смотрели с жалостью. Они просто были — большие, теплые, доверчивые создания, которые принимали ее такой, какая она есть.

Внутри было сумрачно. Свет проникал лишь через щели в стенах и приоткрытые ворота, окрашивая воздух в золотисто-пыльный цвет. В стойлах стояли лошади — тяжеловозы, которые таскали телеги, и пара верховых лошадей для местного старосты. Они жевали сено, постукивали копытами, иногда вздыхали.

Но ее взгляд был прикован к одному стойлу — самому дальнему, самому темному.

— Норд, — позвала она тихо, и голос ее дрогнул от волнения.

Норд был ее любимцем. Молодой жеребец вороной масти, которого отец привел с ярмарки два года назад. Он был диким, норовистым, никому не давался в руки, кроме Лизы. Она проводила с ним часы, разговаривала, причесывала его гриву, приносила лакомства — кусочки яблок и моркови, которые тайком таскала из кухни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.